

СЕКЦИЯ I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Т.В. Кроз

Самарский национальный исследовательский университет

ПЕРСТНИ ТОРНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА (ОБ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ МОРДОВСКИХ УКРАШЕНИЙ XVIII–XIX ВВ.)

В изучении истории Самарского края XVIII–XIX вв. материалы археологических памятников, оставленных народами, населявшими эту территорию, практически не используются. Однако, их изучение следует назвать перспективным. Именно в этот период происходит активное освоение мордвой Самарского Поволжья. К 1885 г. в регионе насчитывалось 146 мордовских сел, в которых проживало 184 тыс. человек обоего пола [3, с. 440–446]. Изучение богатой истории и духовной культуры невозможно без использования археологических материалов.

В 1958 г. научными сотрудниками Куйбышевского областного музея краеведения М.Б. Корнеевой и С.П. Хрущевой было произведено обследование разрушающихся погребений грунтового могильника у с. Торновое, Волжского района Самарской области, оставленного мордвой-эрзей в XVIII – середине XIX в. Всего было изучено четыре погребения. Материал из погребений представлен фрагментами украшений костюма: браслетами, скульгамами, бусами, большим количеством орнаментированных перстней.

Из трех погребений происходит 21 перстень. Такое обилие украшений в погребениях – обычное явление для захоронений мордвы XVII–XIX вв., объясняющееся традицией – провожать усопших в последний путь в парадном уборе. Хорошо известны этнографические описания современников, иллюстрирующие богатство их праздничного костюма. Например, участник Академической экспедиции 1768–1773 гг. И.И. Лепехин отмечает: «Пальцы эрзянки украшают перстнями, и до того богатые на них шеголихи, что ни одного пальца без перстня не оставляют» [6, с. 158]. П.С. Паллас уточняет: «надевают по два и по три кольца на руку, но носят только с праздничным одеянием» [9, с. 82].

Все перстни, происходящие из погребений, относятся к типу печатных и на лицевой стороне щитка украшены растительным или геометрическим орнаментом. Чаще всего встречается изображение трилистника (на 12 перстнях как центральный мотив, на остальных – часть компози-

ции). Трилистник (крин) очень распространенный орнаментальный мотив, семантика которого восходит к символу зарождения жизни. Обширная классификация различных вариантов изображений трилистника была собрана К.А. Руденко применительно к серебряным перстням с чернью Волжской Болгарии XI-XIII вв., на которых большинство орнаментальных мотивов являются вариантами растительного побега (трилистника/крина) [11, с. 65]. Необходимо отметить, что самый ранний и простой тип орнамента по классификации К.А. Руденко имеет гораздо большую сложность, чем на перстнях торновского могильника, изображение на которых отличается схематичностью и небрежностью. Сам мотив трилистника был широко распространен в восточной Европе с эпохи средневековья и имел ближневосточные корни [10, с. 84], но впоследствии был сильно упрощен в среде финно-угорских народов. Возможно, одним из вариантов подобного упрощенного изображения являлись изображения на шелехах – монетовидных жетонах, используемых народами Поволжья в качестве шумящих привесок к костюму (изображение трилистника встречается на шелехах из Коноваловского могильника [7, с. 268] (рис. III; 7,9). В тех же материалах встречаются шелехи с символами солярно-лунной тематики, в которых композиция схожа с перстнями типа 2 – центральное изображение обрамляют ногтевидные завитки (которые на шелехе обозначают луну), а между ними вклинены звезды (рис. III; 13) [7, с. 268]. Возможно, что в мордовском варианте это изображение приобрело значение трилистника или ростка. Бронзовые перстни-печатки с аналогичным типу 2 мотивом трилистника встречены в материалах из могильника у с. Коноваловка, датированного концом XVIII – началом XIX вв. [7, с. 249]. Аналогичный перстень был найден в могильнике у с. Шелехметь, датированным XVII-XVIII вв. [4, с. 142-143].

Часто встречается изображение шестилучевой звезды. Это один из вариантов солярной символики, распространенной у финно-угорских народов. Изображения шести- и восьмилучевых звезд встречаются в декоре мордовских «Парей» – орнаментированных деревянных кадешек, выполняющих роль сундука для хранения приданного невесты. Важным элементом резьбы были солярные символы, способствующие большому потомству, благополучию в семье, достатку, долгой жизни и т.д. [13, с. 122]. Возможно, использование на рассматриваемых перстнях изображения именно шестилучевой звезды объясняется его составным характером – лучи звезды одновременно являются частью трилистников, изображенных по кругу. Такое изображение должно было выступать двойным оберегом, совмещая два элемента – солнце и росток. Другим постоянным элементом можно считать крест – прямой или скошенный, семантика которого восходит к изображению орудия для добывания огня [12, с. 2]. Впоследствии крест приобретает значения очищающего огня [1, с. 160]. Другая трактовка этого символа согласуется с высказанным С.В. Ивано-

вым законом упрощения изображения [5, с. 97]. Так, прямой крест может считаться одной из поздних вариаций изображения мирового древа [5, с. 98-99], которое в мифологии мордвы выступает связующим элементом трех миров, наделяется жизнеобеспечивающими функциями [2, с. 30-31]. Аналогичный перстень с прямым крестом также имеется в материалах Коноваловского могильника [7, с. 256]. Все перстни имеют один повторяющийся элемент – обрамление резной линией по контуру. Такой круг-колесо является наиболее распространенным в финно-угорском мире солярным символом. Поэтому неудивительно, что он встречается на всех мордовских перстнях XVIII-XIX вв., обнаруженных в материалах могильников у с. Торное, Коноваловка, Шелехметь.

Изучение такой группы источников как перстни из погребальных памятников мордвы XVIII – середины XIX в. позволяет сделать вывод о том, что мордва в это время, несмотря на сведения из письменных источников о проводившейся российским правительством политике христианизации инородцев, [8, с. 568-577] сохраняет приверженность языческим верованиям. Археологические данные свидетельствуют, что погребальный обряд совершается по языческим традициям, сохраняется почитание древних земледельческих культов, символов которых остаются популярным мотивом используются в украшениях, которые играют роль оберегов.

Библиографический список

1. Вихляев В.И. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
2. Вишневецкая В.М. Многозначность символов народного творчества // Декоративное искусство СССР. 1974. № 9.
3. Гребнев М. Мордва Самарской губернии: историко-этнографический очерк // Самарские епархиальные ведомости. 1886. №22. С. 440-446.
4. Иванов В.А. Мордовский могильник у села Шелехметь // Краеведческие записки. Вып. 3. Куйбышев, 1975.
5. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.-Л., 1963.
6. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771.
7. Малкова Н.М, Морозов В.Ю. Украшение мордовского костюма XVIII – начала XIX вв. // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара, 1996.
8. Мокшин Н.Ф. Языческие верования мордвы и ее христианизация // Мордва: историко-культурные очерки / под ред. В.А. Балашова. Саранск, 1995.
9. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям российской империи: В 3 ч. Ч. I. СПб., 1809.

10. Руденко К.А. Мотив трилистника в ювелирном искусстве Волжской Булгарии XI – начала XIII века // Наследие и современность. 2020. №3(2).

11. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015.

12. Рябов Н.В. Традиции Мордовского орнамента в общей концепции народной культуры Поволжья // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 2.

13. Юрченкова Н.Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002.

Д.Б. Тягун

Самарский национальный исследовательский университет

РОЛЬ ГРАМОТ ПАТРИАРХА ГЕРМОГЕНА В ИСТОРИИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Смута XVII в. была одним из переломных моментов в истории Российского государства. По мнению историка С.Ф.Платонова [8, с. 125], зачатки многих ее причин были заметны еще в XVI в. Однако большее внимание хочется уделить не причинам Смутного времени, достойным отдельной работы, а роли церкви, которая не осталась в стороне от событий, а принимала активное участие в различных кампаниях на протяжении всей Смуты. Мне бы хотелось рассмотреть следующий аспект: влияние грамот патриарха Гермогена на формирование второго ополчения и, как следствие, окончание польско-литовской интервенции в 1612 г.

Патриарх Гермоген (в миру Ермолай) – митрополит Казанский (с 13 мая 1589 г.), а также большой «книжник» и крупный духовный писатель русского Средневековья. О его образованности и начитанности писали как почитатели, так и недруги [1, с. 62]. С тех пор, как 3 июля 1606 г. патриарх Гермоген был возведен в сан патриарха Московского и всея Руси (по приказу В.Шуйского), главной его обязанностью стало участие не только во всех церковных соборах, но и в собраниях Боярской Думы, где решались вопросы о будущем российского государства и престолонаследии. Несмотря на то, что по суду боярина Мстиславского, Гермоген находился под постоянным надзором [7, с. 161], он пытался приблизить к себе тех бояр и дворян, которые были против воцарения Сигизмунда III его потомков на русский престол [2, с. 174]. В дальнейшем предпринимались различные попытки отстранить Гермогена от дел. Однако сколько не находили различных беглых холопов [10, с. 304-305], обличавших его как нечестивого человека и противника воцарения Владислава на престол, Гермогена не смогли лишить духовного сана. Но, в январе 1612 г., когда Минин и Пожарский объявили о намерении начать московский